

УДК 1(44):821.133.1

О.Ф. ЖИЛЕВИЧ, канд. фил. наук, доцент
доцент кафедры межкультурных коммуникаций
Полесский государственный университет,
г. Пинск, Республика Беларусь

Статья поступила 13 октября 2022 г.

ФИЛОСОФСКО-АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ ПРОЗЫ Д.А.Ф. ДЕ САДА

Впервые раскрываются особенности функционирования аллегории во французской прозе XVIII века. Исследуется специфика философско-аллегорического повествования в романах «Жюстина, или Несчастливая судьба добродетели», «История Жюльетты, или Успехи порока» де Сада. Раскрываются особенности функционирования в нарративе произведения аллегории Порока и Добродетели как художественно-эстетического средства текста и конструктивного фактора в организации прозаического целого. Представлены авторские стратегии в решении нравственно-этических, философских и онтологических проблем.

Ключевые слова: философско-аллегорический роман, эротизм, садизм, эстетизм, «смерть Бога», чувственность, наслаждение.

JILEVICH O.F., PhD in Philol. Sc., Associate Professor
Polesky State University, Pinsk, Republic of Belarus

PHILOSOPHICAL AND ALLEGORICAL PROJECTION OF D. A. F. DE SAD'S PROSE

For the first time, the features of the functioning of allegory in French prose of the 18th century are revealed. The specificity of the philosophical and allegorical narration in the novels "Justine, or the Unfortunate Fate of Virtue", "The Story of Juliette, or the Successes of Vice" by de Sade is studied. The features of the functioning in the narrative of the work of the allegory of Vice and Virtue as an artistic and aesthetic means of the text and a constructive factor in the organization of the whole prose are revealed. The author's strategies in solving moral, ethical, philosophical and ontological problems are presented.

Keywords: philosophical and allegorical novel, eroticism, sadism, aestheticism, "death of God", sensuality, pleasure.

Введение. Эпоха Просвещения – особый этап в развитии культуры Франции. Искусство этого периода неоднозначно, двойственно, парадоксально. Характерной особенностью французского Просвещения явля-

ется предельное сближение философии и литературы, выразившееся уже в том, что крупнейшие философы этого времени были одновременно выдающимися писателями. Как следствие, наибольшее распространение

приобретает философская проза, опыт которой найдет отражение в творческом процессе мировой культуры последующих эпох.

Именно в эпоху Просвещения появилось понятие «философский роман». Впервые его употребил маркиз де Сад в своем произведении «Алина и Валькур или Философский роман» («*Aline et Valcour, ou le Roman philosophique, 1793*»). Романист тем самым хотел представить обобщенную форму рецепции своего романа. Специфической модификацией философского романа XVIII века является философско-аллегорический роман.

Философско-аллегорический роман эпохи Просвещения представляет собой модель действительности, простую для понимания, в которой на поверхности – увлекательный авантюрный сюжет, но глубже – морально-философская установка и назидательность [7, с. 259]. Писатели в этот период создают в рамках философско-аллегорического романа проблемные ситуации, которые определяют особенности его поэтики.

Философские произведения, таким образом, отражают определенный ряд философских идей, но воплощение содержания происходит несколькими приемами:

- 1) в форме полемики, отрицания неких философских теорий;
- 2) в форме дискуссии, столкновения взаимоисключающих точек зрения с целью достичь истины;
- 3) в форме апологии определенной философской системы [8, с. 95].

В русле прозы французских просветителей философско-аллегорический роман является удобной формой художественного выражения мировоззрения, он имеет морально-назидательный характер, смоделированность сюжета, универсальный тип героя, для него характерна двуплановость композиции, ирония, символично-аллегорический язык и индизидательность [6, с. 93].

Самые лучшие писатели этого периода обращались к философско-аллегорическому роману для решения важных художественных задач. Среди них Монтескье, Вольтер, Дидро, де Сад.

Творчество Д. де Сада *Donatien Alphonse François de Sade (1740-1814)* подтверждает факт того, что философско-аллегорический

роман имеет глубокую традицию во французской литературе.

В отношении творчества де Сада литературоведы предлагают широкую гамму концептуальных подходов: литературно-критические публикации панорамного плана, в которых проза писателя рассматривается в контексте французской литературы эпохи Просвещения (Г. Кудрявцев [10], А.А. Кокочкина [9]); исследования, в которых изучается отдельно взятый аспект творчества де Сада (М. Delon [15], М. Kozul [17]); научные работы, в которых глубоко анализируется конкретное произведение писателя (J.-J. Brochier [14], J. Fabre [16]); монографические издания, которые посвящены одному аспекту отдельно взятого произведения (М. Бланшо [4], М. Энафф [13]). Обзор источников свидетельствует о широком спектре возможностей для изучения творчества де Сада. Вместе с тем ярко выраженная философско-аллегорическая жанровая доминанта, связывающая его художественные тексты, в литературоведении не осмыслилась с позиции теоретической поэтики жанра.

Цель настоящего исследования – выявить философско-аллегорические черты философской прозы де Сада.

Методологическая база исследования имеет комплексный характер и включает в себя герменевтический, культурно-исторический методы, метод целостного анализа художественного текста, методические разработки по проблеме теории жанров.

Материалом для исследования послужили философско-аллегорические романы маркиза де Сада «Жюстина, или Несчастливая судьба добродетели» («*Justine ou les Malheurs de la vertu*», 1791), «История Жюльетты, или Успехи порока» («*Histoire de Juliette, ou les Prospérités du vice*», 1801) в которых наиболее ярко выражены черты философско-аллегорической прозы.

Основная часть. Современник Великой французской революции, маркиз де Сад – писатель, философствующие герои которого, являясь «откровенными и пронизательными оппонентами гуманистического мировоззрения, опираются на определенные идеи европейского просветительства» [5, с. 32].

Из десадовской философской системы «выросли» практически все философские направления XX века: фрейдизм, экзистенци-

ализм, ницшеанство, постструктурализм и постмодернизм.

Повествование де Сада – иррационально, и на первый взгляд, его философия – круговое движение одних и тех же, выходящих из-под контроля разума, идей и впечатлений. Однако именно на определенной системе основываются принципы либертианажа, а ее иррациональность с доминантой чувственных желаний является только маской, иллюзией беспорядочности. М. Бланшо утверждает, что определенная структура для Сада – это нечто принципиальное. «Его воодушевляет вкус и даже страсть к системе» [4, с. 69]. Неоспоримо, что в творчестве Сада она играет основную роль. Данная система – рациональна, хотя и отражает иррациональные желания безудержной сексуальности. Неоспоримо, что на де Сада оказывает влияние распостраненная в то время механистическая картина мира, провоцирующая в человеческой душе стремление к упорядочиванию. Для писателя идея о механизме – основная, хотя и не озвучивается им в текстах. Эта мысль как неосознанная картинка создает пространство для достижения его философских концептов. Де Сад скрупулезно выстраивает систему персонажей. Его герои с дошностью следуют задумке автора в конкретных способах и стратегиях удовлетворения своих желаний. Таким образом, персонажи в своей телесности становятся механизмами.

Одним из постулатов философско-эстетической системы де Сада является его утверждение о неравенстве людей с самого рождения, которое он считал вполне естественным и даже установленным самой природой. По мнению писателя, именно из неравенства происходит упорядоченность во всех мировых системах. «Мир не имел бы права на существование, если бы люди были во всем одинаковы». [11, с. 308].

Суть материального неравенства, по мнению де Сада, заключается в том, что «одни люди по воле природы стремятся к получению наслаждения и к удовлетворению своих желаний, а другие склонны к меланхолии и извлекают мрачное наслаждение из слез отчаяния» [11, с. 310]. Писатель говорит о пространности создания силами природы такого типа людей. «Есть творения, коих природа создает лишь для того, чтобы обрушивать на

них несчастье за несчастьем» [11, с. 297]. По мысли де Сада, богатство – это основание для нарушения личных границ других людей. И более того, богатый человек вправе использовать чувства и тела бедных людей для удовлетворения своих страстей. Романист отвергает границы дозволенного, когда речь идет о получении удовольствия. Де Сад полагает, что ради достижения желаемого результата, можно пожертвовать не только здоровьем, но и жизнью других людей. Ж. Батай в книге «Литература и зло» пишет о де Саде: «Ему подвластен лишь один способ вырваться из многочисленных рамок: разрушение себе подобного (в этом разрушении границы нам подобного существа отрицаются)» [2, с. 89].

Де Сад рассматривает суверенность как «отказ принимать пределы» [2, с. 332]. Он отрицает чувства, которые якобы внушает сама смерть. Убийство – это способ, с помощью которого личность может утвердить свое право на нарушение границ дозволенного. Де Сад пишет: «Каждому человеку дано право распоряжаться жизнью себе подобного и пользоваться этим правом настолько, насколько позволяют ему это силы, дарованные природой» [11, с. 165].

Эротика понимается де Садом как «утверждение жизни в самой смерти»: «Нет ни одного либертинца, хоть сколько-нибудь искушенного в грехе, который не знал бы, как сильно убийство воздействует на чувственность». [12, с. 304]. Писатель утверждает, что «область эротика есть область ярости, насильственных нарушений» [12, с. 304]. Нарушение границ дозволенного – обязательное условие проникновения в сферу эротика. Эротическая практика разрушает структуру замкнутого существа. Де Сад считает, что приватная жизнь обречена на исчезновение. Роль объекта любви определяется степенью страдания субъекта. Когда любовь не взаимна, влюбленный готов убить объект своей страсти, нежели расстаться с ним, особенно в том случае, если любимый достанется кому-то другому. Однако разрушительные действия человека могут быть направлены и на себя самого.

Таким образом, де Сад рассматривает смерть как источник жизни: чтобы возникли новые живые существа необходимо гниение мертвых существ, которые освободят суб-

станцию, необходимую для новой жизни. «Жизнь – это всегда продукт разложения жизни» [3, с. 527]. «Смерть одних соотносится с рождением других, в конечном счете, являясь его условием и предвестием» [1, с. 62]. Вопросы взаимосвязи насилия и эротизма, непрерывности бытия, ощущение которого возникает как результат эротического действия, рассматриваются в произведениях и философско-эстетических работах де Сада.

Каковы же истоки того феномена, что де Сад прибегал к моральным аллегориям в своих художественных произведениях?

Даже на уровне биографии и переписки писателя очевидны три фактора, повлиявшие на использование автором иносказания: интеллектуальная подготовка Сада, его личный опыт и своеобразные категории мышления, а также исторический контекст Революции. Во-первых, что юный де Сад посещал иезуитский колледж Людовика-ле-Гран. Известно, что в этом учреждении много внимания уделялось как формированию моральных категорий, так и обучению публичным выступлениям, в теории и на практике. Аллегория или олицетворение могли встречаться в двух из пяти компонентах риторики: *elocutio* как троп и *metoia* как яркий образ для запоминания. Весьма вероятно, что образование, а также семья и аристократическая культура Сада питали его ораторское воодушевление и композицию его речей, включающую моральные ценности.

В переписке де Сада, особенно в письмах из тюрьмы, мы замечаем очень сильную тенденцию анализировать человеческое поведение по отношению к основным нравственным категориям, порокам и добродетелям. Это не просто отражение языка того времени, поскольку собеседники де Сада были склонны анализировать его поведение в более объективных и описательных терминах. Например, губернатор Бастилии в 1786 году в письме министру королевского двора: «Правда, что, когда ее муж впервые приехал сюда из Венсена, она [мадам де Сад] имела разрешение господина Ле Нуара на встречи с ним раз в неделю. Но узник, крайне несговорчивый и буйный, постоянно устраивал ей сцены, и в особенности однажды, когда он не захотел соблюдать обычай громко говорить. Он вышел из себя из-за величайшей жестокости по отношению к господину де Лосму.

Полицейские офисы заполнены ужасающими письмами о его жене, о его семье и о нас. (Когда он шел, то намеренно оскорблял часовых.)» [18, с. 166-167]. Моральные качества де Сада четко вырисовываются из писем: злой, несговорчивый, буйный, скандальный. Под пером де Сада в обличительных портретах объективные факты занимают второстепенное место. Злоба как основная черта характера писателя будет фигурировать до конца его жизни. Например, из замка Венсен де Сад пишет в одном из писем к жене: «Одним словом, это не маленький ублюдок Ружмон, не проклятие олицетворенного порока, не негодяй в штанах и камзоле, который с одной стороны, простигает свою жену, чтобы иметь пленных, а с другой, заставляет их умирать с голоду, чтобы иметь побольше средств, чтобы заплатить гнусным прихвостням своего разврата [...]» [18, с. 65]. Обличение порока – подлости, проституции, скупости – немедленно производит персонификацию, аллегорию порока и перестановку ролей, поскольку порядок вещей обратный: этот гиперболический порок имеет моральную гарантию победить меньший порок, порок самого Сада. Эта инверсия справедливого порядка является лейтмотивом тюремных сочинений: «Пусть тяготы ложатся хотя бы на пороки, а не на добродетели, как мы всегда делаем» [18, с. 107].

Наконец, необходимо упомянуть исторический контекст Французской революции. В этот период аллегория играет главную роль в искусстве и политическом дискурсе. Республиканские и философские аллегории в эпоху Просвещения заменяют и подрывают традиционную мораль, зашифрованную в аллегории. Происходит глубокая реконфигурация Пороков и Добродетелей в их содержании, их перечислении и представлении.

С одной стороны, у де Сада была возможность присутствовать на гражданских церемониях в Соборе Парижской Богоматери, превращенном в храм Разума, с актрисами, приятно воплощающими Свободу и Разум, церемониях, которые, по некоторым свидетельствам, заканчивались оргиями. Образ актрисы, олицетворяющей республиканскую добродетель, быть может, предающейся разврату, представляется чрезвычайно верной аналогией того, что де Сад выражает в форме аллегорического романа с такими персона-

жами, как Жюльетта или Жюстина, олицетворяющими нравственную ценность, воплощая при этом красоту и половое влечение. С другой стороны, можно отметить тот факт, что де Сада, размышляя о республиканских добродетелях, сталкивается во мнении с Робеспьером, так как последний осуждает атеизм как аристократический. Робеспьер хочет восстановить традиционное религиозное значение порока и добродетели. Политическая и личная конфронтация между де Садам и Робеспьером, как предполагает Паувер, отразилась в сознании писателя в виде революционной психомании. Романы о приключениях Жюстины и Жюльетты следует соотносить с трансформацией нравственных аллегорий в разных версиях, поскольку каждая из этих версий относится к определенному историческому периоду, к разной политической ситуации: старому режиму, Конституционной монархии, Республике или Директории.

Перечисленных факторов – личных, культурных и исторических, достаточно, чтобы предположить, какие силы подтолкнули Сада к ниспровержению, к буквальному «переворачиванию» традиционного значения моральных аллегорий и самого результата психомании, чувства Страшного суда. Мало того, что Порок побеждает Добродетель, не только Жюстин повержена, но в последней редакции романа Жюльетта идет по пути своей сестры. Именно путем такой радикальной перестановки моральных аллегорий де Сада открывает то, что можно было бы назвать современным философско-аллегорическим романом, в котором пороки и добродетели в некотором роде «распечатаны», одушевлены, приведены в движение, вплоть до того, что становятся кружащимися в романе Пруста.

Итак, особенностью творчества де Сада является то, что писатель использовал аллегорию для абстрактного выражения своих идей. Так, аллегорический контекст произведений «Жюстина, или Несчастливая судьба добродетели» и «Жюльетта, или Успехи порока» проявляется уже в самом названии романов. В них заложена основная мысль, а также указывается на ряд событий или несчастий, которые приведут главную героиню к падению нравов в обоих произведениях. Первая часть – это имя героини «Жюстина»,

«Жюльетта», что настраивает читателя на прочтение истории о некоей женщине, вторая часть – «Несчастливая судьба добродетели» и «Успехи порока», соответственно, имеет индифферентное значение. Два противоположных и взаимодополняющих уровня названия предполагают развитие идеи психомании в основном тексте произведения, а также столкновение пороков и добродетелей. Как мы и отмечали выше, у де Сада, в отличие от христианской традиции, тяготеющей к назиданию, свое видение порока и добродетели.

Аллегорический характер произведения проявляется и на иконографическом уровне: фронтиспис, который визуально представляет аллегории морально-этического характера, спрятанные автором между строк текста. В книге де Сада два разных фронтисписа. Первый – нарисованный Филиппом Шери и выгравированный Антуаном Карре для романа «Жюстина, Несчастливая судьба добродетели» (1791). Во второй редакции произведения он сопровождается Послесловием, в котором раскрывается природа трех представленных персонажей: «Добродетель между похотью и безнравственностью». Если развивать идею психомании, то суть ее состоит в противостоянии Добродетели и двух Пороков. Помимо персонификаций, в Послесловии присутствуют такая аллегория, как *Змей*, который изображен вокруг подножия *Похоти* и который кусает ногу *Добродетели*. Эта аллегория истолковывается как «источника нашего зла». *Добродетель* представлена в индифферентной форме *завесы скромности*, поднятой персонажем, олицетворяющим *Похоть*. Пропасть, которая раздвигается на поверхности земли, у подножия персонажей, определяется как *бездна преступления*.

«Послесловие» в романе де Сада поучительное, автор использует прием олицетворения Пороков и Добродетели. На фронтисписе изображена сцена, которая не иллюстрирует отдельный эпизод романа, а вносит драматическое напряжение в общее содержание произведения. Писатель вводит аллегории – Добродетель, Скромность, Похоть, Безбожие, Преступление, Зло, которые будут умножаться по ходу развития сюжета. Автор также предвосхищает развязку романа двумя стихами, на картуше в нижней части изображения с надписью «*Explication de*

l'estampe» «Пояснения к печати»: «*Qui sait, lorsque le Ciel nous frappe de ses coups, / Si le plus grand malheur n'est pas un bien pour nous !*»¹

Второй интересующий нас фронтиспис – «Новая Жюстина и История Жюльетты». В оригинальном издании он упоминается сразу после названия: «Работа, украшенная фронтисписом и сотней тщательно выгравированных сюжетов». Персонажей в этом издании гораздо больше: одетая женщина падает в овраг, толкаемая дьяволицей, которой угрожает змея; обнаженная женщина взбирается к Елисейскому храму в сопровождении маленького Купидона и Божества; в центре и на высоте Минерв руководит сценой. Можно предположить, что одетая женщина, которая падает, – это Добродетель или Жюстина, а обнаженная женщина, которая поднимается, – это Порок или Жюльетта. В обоих фронтисписах прослеживается идея пути или путешествия, перекрестного маршрута двух героинь и двух противоположных ценностей, которые они воплощают. Путь, по которому идет Порок, усыпан цветами, овраг, куда падает Добродетель, окружен ежевикой. Этот образ завершает и развивает первый фронтиспис с более сложной композицией, не нуждающейся ни в картуше, ни в объяснении, чтобы подсказать авторский замысел и итог романа.

Помимо иносказательного названия и фронтисписов, аллегория пронизывает всю ткань повествования как в романе «Жюстина, или Несчастливая судьба добродетели», так и в произведении «Жюльетта, или Успехи порока». По задумке автора, в образе Жюстины олицетворяется Добродетель своими действиями и чувствами на протяжении всего романа, в то время как образ Жюльетты олицетворяет Порок.

Во время своего путешествия Жюстина сталкивается с определенным количеством Пороков и, соответственно, она проявляет определенное количество Добродетелей. Таким образом, последовательные эпизоды в повествовании позволяют детализировать Добродетели и Пороки, играющие роль садовской психоматрии, глубже, чем во фронтисписах в одном изображении.

Мы знаем, что рукопись первой редакции «Жюстины», рассказа о несчастьях добродетели, включает в себя список «досадных добродетелей» на полях книги: скромность, благочестие, благодеяние, благоразумие и т. д. Точно так же и своеобразные «противники» Жюстины воплощают в себе тот или иной порок: скупость финансиста, похоть проститутки, несправедливость воров и т. д.

Можно также привести некоторые отрывки из текста романа, в которых перечисляются пороки; например, когда Ла Дюбуа в «Новой Жюстине» использует антитезу, удваивающую риторический уровень инверсии ценностей: «Кража, убийство, грабеж, поджог, путанство, проституция, разврат; это достоинства нашего государства; мы никогда не допускали других» [11, с. 207]. Факт остается фактом: стандарт поведения на уровне всей исторической эпохи отображается в одной героине. Автор стремится объединить все пороки, с одной стороны, и все добродетели – с другой, без учета различий, унаследованных от средневековой теологии. Следует также отметить, что превосходство пороков обусловлено не только яркостью воплощающих их характеров, сокрушающих других, но и их красноречием, приписываемыми им философскими рассуждениями, тогда как добродетели большей частью «немые», чаще всего говорящие только о собственном существовании.

Специфика садовского философско-аллегорического романа – также в детализации текста. В главе III «Новой Жюстин», когда Жюстин спасает Сен-Флорана от разбойников, с которыми она находится, Сад пишет, что она спасена «самыми руками добродетели» [11, с. 104]. В то же самое время, в эпизоде, когда Сен-Флоран обещает Жюстин выразить ей свою благодарность, мы читаем: «Чудовище со всей жестокостью наблюдало, как скромность в его груди источает самые нежные выражения благодарности на сердце, ожесточенном преступлением. пульсирует только смазкой под нежными ласками невинности и добродетели, утопающей в слезах» [11, с. 311]. И ещё: «Мирная и кроткая добродетель всегда далека от подозрения в преступлении» [11, с. 190]. В этих предложениях слова *скромность*, *добродетель*, *невинность*, с одной стороны, и *преступление*, с

¹ Кто знает, когда Небо разразит нас своими молниями, / Если величайшая беда не есть благо для нас! – Перевод наш.

другой, являются тропами, обозначающими два противоположных характера, возвращая их к пороку или добродетели, которые они воплощают. Эта повторяющаяся фигура передается в масштабе слова ту аллегория, которая разворачивается в масштабе всей книги. Автор постоянно напоминает об этом читателю. Мы привели только ряд примеров, однако их множество, в каждом эпизоде. Впрочем, тот же троп встречается и в «*L'avis de l'éditeur*» «Мнение редакции»: «...скандалят только дураки; истинная добродетель никогда не испугается изображений порока, она лишь находит в них еще один повод для священного марша, который она сама себе навязывает» [11, с. 187]. Здесь настоящая добродетель не кто иной, как читатель или даже сам автор.

Заключение. Таким образом, роман Сада, благодаря своему редакционному приему, своей структуре и написанию, является ярким образцом философско-аллегорического романа, обновляя его посредством радикальной инверсии ценностей. В современном философско-аллегорическом романе догматическая и дидактическая цель все еще присутствует, но она переосмыслена. В произведениях присутствуют субъективные высказывания персонажа или рассказчика, движимого их собственными мотивами.

Список литературы

1. Батай, Ж. История эротизма / Ж. Батай. – М.: Логос, 2007. – 200 с.
2. Батай, Ж. Литература и зло / Ж. Батай. – М.: Издательство МГУ, 1994. – 166 с.
3. Батай, Ж. Проклятая часть: сакральная социология / Ж. Батай. – М.: Ладомир, 2006. – 742 с.
4. Бланшо, М. Сад / М. Бланшо // Маркиз де Сад и XX век. – М.: Ad Marginem, 1992. – С. 68-114.
5. Ерофеев, В. В. В лабиринте проклятых вопросов / В.В. Ерофеев. – М.: Советский писатель, 1990. – 178 с.
6. Жилевич, О.Ф. От слепоты к прозрению: философско-аллегорический роман в творчестве Жозе Сарамыго / О.Ф. Жилевич // Веснік Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук : навучна-практычны журнал. – 2022. – № 1. – С. 93-99.

7. Жилевич, О. Ф. Традиции французской философской прозы эпохи Просвещения в современном белорусском философско-аллегорическом романе / О. Ф. Жилевич, Р. Б. Гагуя // *Poznańskie Studia Slawistyczne* : научный журнал. – 2018. – № 15. – С. 259-270.
8. Забабурова, Н. В. Французский философский роман XVIII века: самосознание жанра. В: XVIII век: литература в контексте культуры / Н.В. Забабурова. – Москва: Издательство УРАО, 2002. – С. 94–104.
9. Коковкина, А. А. Радикальный эстетизм маркиза де Сада / А.А. Коковкина // *Вестник Тогу*. – 2012, № 2 (25). – С. 289-296.
10. Кудрявцев, Г. Г. Романы маркиза де Сада в контексте читательской культуры XX столетия / Г.Г. Кудрявцев / Маркиз Де Сад. Жюстина, или Несчастья добродетели. – М.: Азбука-классика, 2006. – 368 с.
11. Маркиз де Сад. Собрание сочинений в 3 т. / де Сад. – М.: Арт Бизнес Центр, 2000.
12. Маркиз де Сад. Эрнестина и другие новеллы / де Сад. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2011. – 412 с.
13. Энафф, М. Маркиз де Сад: Изобретение тела либертена / М. Энафф; [пер. с фр. Н. С. Мовиной]. – СПб.: Гуманитарная Академия, 2005. – 448 с.
14. Brochier, J.-J. Sade / J.-J. Brochier. – Editions Universitaires, Paris, 1966. – 263 p.
15. Delon, M. Sade face à Rousseau / M. Delon // *Europe*. – 1972. – 522 p.
16. Fabre, J. Sade et roman noir / J. Fabre. – Editions Universitaires, Paris, 1982. – 306 p.
17. Kozul, M. Lire Sade avec Rousseau // *Romance Studies*. – Vol. 32, N3. – July 2014. – P. 171–182.
18. Sade, Lettre à sa femme du 21 mai 1781, *Correspondances du marquis de Sade et de ses proches*, éd. Alice M. Laborde. – Genève, Slatkine, vol. XVI, 2007. – P. 166-167.

References

1. Bataj Zh. *Istoriya erotizma* [History of eroticism]. M.: Logos, 2007, 200 p. (In Russian)
2. Bataj Zh. *Literatura i zlo* [Literature and evil]. M.: Izdatel'stvo MGU, 1994, 166 p. (In Russian)
3. Bataj Zh. *Proklyataya chast': sakral'naya sociologiya* [The Cursed Part: Sacred Sociology]. M.: Ladomir, 2006, 742 p. (In Russian)

4. Blansho M. *Sad* [Garden]. *Markiz de Sad i XX vek* [Marquis de Sade and the twentieth century]. M.: Ad Marginem, 1992, pp. 68-114. (In Russian)
5. Erofeev V. V. *V labirinte proklyatykh voprosov* [In the labyrinth of cursed questions]. M.: Sovetskij pisatel', 1990, 178 p. (In Russian)
6. Jilevich O.F. Ot slepoty k prozreniyu: filosofsko-allegoricheskij roman v tvorchestve Zhoze Saramago [From blindness to insight: a philosophical-allegorical novel in the work of José Saramago]. *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk* [Bulletin of Polessky State University. Series in Social Sciences and Humanities]. 2022, no. 1, pp. 93-99. (In Russian)
7. Jilevich O.F., Gagua R.B. Tradicii francuzskoj filosofskoj prozy epohi Prosveshcheniya v sovremennom belorusskom filosofsko-allegoricheskom romane [Traditions of the French philosophical prose of the Enlightenment in the modern Belarusian philosophical and allegorical novel]. *Poznańskie Studia Slawistyczne : nauchnyj zhurnal*. 2018, no. 15, pp. 259-270. (In Russian)
8. Zababurova N.V. *Francuzskij filosofskij roman XVIII veka: samosoznanie zhanra. V: XVIII vek: literatura v kontekste kul'tury* [The French Philosophical Novel of the 18th Century: The Self-Consciousness of the Genre. In: 18th century: literature in the context of culture]. M.: Izdatel'stvo URAO, 2002, pp. 94-104. (In Russian)
9. Kokovkina, A.A. Radikal'nyj estetizm marki-za de Sada [Radical aestheticism of the Marquis de Sade]. *Vestnik Togu* [Bulletin of Togu]. 2012, no. 2 (25), pp. 289-296. (In Russian)
10. Kudryavcev G.G. Romany markiza de Sada v kontekste chitatel'skoj kul'tury xx stoletiya [Novels of the Marquis de Sade in the context of the reader's culture of the XX century]. *Markiz De Sad. ZHyustina, ili Neschast'ya dobrodeteli* [Marquis de Sade. Justine, or Virtue's Misfortunes]. M.: Azbuka-klassika, 2006, 368 p. (In Russian)
11. Markiz de Sad. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. M.: Art Biznes Centr, 2000.
12. Markiz de Sad. *Ernestina i drugie novelly* [Ernestina and other novellas]. M.: AST: Astrel': Poligrafizdat, 2011, 412 p. (In Russian)
13. Enaff M. *Markiz de Sad: Izobretenie tela libertena* [Marquis de Sade: The Invention of the Libertin Body]. SPb.: Gumanitarnaya Akademiya, 2005, 448 p. (In Russian)
14. Brochier J.-J. Sade Editions Universitaires, Paris, 1966, 263 p. (In French)
15. Delon, M. Sade face à Rousseau. Europe. 1972, 522 p. (In French)
16. Fabre, J. Sade et roman noir. Editions Universitaires, Paris, 1982, 306 p. (In French)
17. Kozul M. Lire Sade avec Rousseau. Romance Studies. Vol. 32, N3. July 2014, pp. 171-182. (In French)
18. Sade, Lettre à sa femme du 21 mai 1781, Correspondances du marquis de Sade et de ses proches, éd. Alice M. Laborde. Genève, Slatkine, vol. XVI, 2007, pp. 166-167. (In French)

Received 13 October 2022